

НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О МЕРАХ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ «КАЗАХСКИХ-ОТКОЧЕВНИКОВ» НА ТЕРРИТОРИЮ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА (1932-1934 гг.)

Рахметулла Ч.Т. Магистрант 1-го курса.

Научный руководитель: к.и.н., и.о. доцента Айтмагамбетов Д.Р.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

Астана, Казахстан

shyngys.vip2002@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются меры по возвращению и устройству откочевавших от голода казахов в южной части региона на основе сборника документов и архивных материалов, которые позволяют объективно оценить все сложности логистического обеспечения и продовольственных затруднений, а также влияние этих процессов на социальные последствия для казахского общества.

Ключевые слова. Голод, репатриация, казахи-откочевники, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан.

Введение. Внедрение в научный оборот сборник архивных материалов и рассекреченных документов обеспечивает правильную интерпретацию фактов, и отображает полную картину событий в контексте голода в Казахстане и повлекшей за ней миграции в 1931-1933 гг. Особый интерес в изучении массовых откочетов заслужено уделяется проблеме пребывания и адаптации казахских беженцев в соседних Республиках, которые ярко были представлены в исследованиях таких ученых-историков как З.Е. Кабульдинов [1], Е.Б. Сыдыков [2], А.И. Кудайбергенова [3], Б. Альжаппарова [4], М.М. Козыбаева [5] и др. В данных исследованиях явление «откочевки» по замечаниям авторов хоть и являлось средством спасения, но тем не менее, не решало проблемы «голодобеженцев». Ущерб от массовых миграции также повлек за собой ряд последующих бедствий для самого населения, так как вопрос об обеспечении продовольственной помощи требовал от должностных лиц местной власти целенаправленных усилий, которая зачастую оказалась не способной оказывать своевременную помощь.

В условиях крайнего истощения казахских беженцев в местах их пребывания повышался рост протестных настроений и употребления нетрадиционных продуктов, в отдельных случаях фиксировался и каннибализм. На фоне нарастающих негативных событий, у руководящей части соседних Республик стоял вопрос о необходимости вернуть казахских беженцев в их родные края. В исследованиях о проблеме возвращение казахских беженцев исследователь Б.Ж. Атантаева заслужено отметила значение архивных материалов, которые свидетельствовали о тяжелом состоянии откочевавших хозяйств даже за пределами Казахстана. «В связи с большим скоплением откочевников в населенных пунктах» – как пишет Атантаева, «был поставлен вопрос об их возврате на прежние места. В местах скопления ослабленных голодом людей, вспыхивали эпидемии... до того времени неизвестные жителям степи» [6, с. 77-78].

Проблема организации репатриации как местными властями, так и властями Казахстана остается актуальной темой в изучении голода. Неорганизованность в этом деле советского партийного аппарата и факты злоупотребления продовольственной помощью со стороны самих районных руководителей четко раскрываются в ранее рассекреченных архивных материалах, на которые и опирается данное исследование. Цель исследования направлено на изучение власти и механизмов их принятия решений в условиях чрезвычайной ситуации в южной части Казахстана, что позволяет не только глубже понять причины и последствия трагедии, но и оценить влияние на последующую социально-экономическую ситуацию в этом регионе.

О создании специальной комиссии. Протокол заседания Казрайкома «об организации возврата откочевавших хозяйств в Казахстан» был впервые представлен в хрестоматии

документальных материалов изданной Т. Омарбековым [7, с. 124]. Заседание Бюро Казрайкома от 31-го марта 1932 г. постановило о необходимости создания специальной комиссии, в задачу которых входило *«организовать возврат всех бедняцко-средняцких хозяйств желающих возвратиться в Казахстан»* [7, с. 125]. Также Совнаркому было поручено выделить специальный фонд для оказания помощи возвращающимся и товарное снабжения в виде одежды, чай, сахар и т.д. 1-го апреля 1932-го года созданная по обеспечению возвращения откочевников комиссия установила ориентировочное количество репатриантов, число которых достигало 30 тысяч хозяйств, 4.000 из которых планировалось поселить в Южно-Казахстанской области [7, с. 128].

В ноябре 1932-го года под руководством Т. Рыскулова в Москве был создан отдельный комитет, главной задачей которого было управления делами казахских откочевников, и главным образом *«возвращенцев»* как их стали уже называть в официальных документах [8, 278]. Откочевников, для их возвращения, собирали на железнодорожных станциях и близ крупных населенных пунктов, готовя к транспортировке для отправки в родные края. Так, за период январь – февраль 1933 года на станциях Луговая–Фрунзе и Чимкентского участка было собрано более пяти тысяч взрослых беженцев и 800 детей, которые были направлены в питательные пункты Аулие-Атинского района (города Аулие-Ата, Талас и Мерке) [9, с. 458]

Положение «откочевников» в Аулие-Ате. Правительственная комиссия по возвращению откочевников от 2-го сентября 1932 года, докладывала, что для оказания материальной помощи возвращающимся хозяйствам, были отпущены промтовары на сумму 800 тыс. руб. и 2 млн руб. на приобретение рабочего скота. Однако реализация решений директивных органов по замечанию начальника СПО ОГПУ Георгия Молчанова, в ряде областей была проведена неудовлетворительно, в особенности на территории Южного Казахстана, где руководители промпредприятий Аулие-Атинского района не уделяли никакого внимания к делу об устройстве репатриантов. Как пишет Молчанов об этом инциденте: *«Откочевники живут под открытым небом, продовольствие им своевременно не отпускается. Снабжаются только работающие члены семей возвращенцев. В ряде районов отпущенные для возвращенцев хлебные фонды разбазариваются и расхищаются районными и низовыми работниками»* [9, с. 319]. Так, на почве продовольственного необеспечения участились эпидемические заболевания, что поставило новые трудности перед комиссией [10, с. 94-100].

По состоянию на 12-е февраля 1933 года число возвращающихся откочевников увеличилось с 6-ти до 10-ти тысяч человек, среди которых официально было зарегистрировано свыше тысячи смертей от голода и эпидемии, явившийся в следствие *«безответственного отношения к откочевникам со стороны райорганизации, проявивших бездеятельность в деле организации приема и устройства прикочевников»* [9, с. 458-459]. Уполномоченный Крайкома ВКП(б) Кожамуратов, находясь с инспекционной поездкой в городе Талас, лично ознакомился с положением откочевников, находящихся в Аулие-Ате, большая часть которых не получала ни продовольственной, ни медицинской помощи. Согласно его отчету, около 400 человек были размещены в холодных сараях без окон и дверей, где больные находились вместе со здоровыми, а тела умерших своевременно не убирались [9, с. 319].

Социальные последствия. В марте того же года, Л.Г. Миронов отправил в Москву *«спец-сообщение»* где докладывал о необорудованных питательных пунктах и антисанитарии, в результате чего *«смертность прикочевников на почве эпидемий и истощения продолжается»* [9, с. 491]. Аналогичный наплыв беженцев испытал и Алма-Атинский район, где по сообщению председателя совнаркома У.Д. Исаева *«наблюдается неорганизованное, массовое возвращение откочевников казахов из районов Кыргызстана»* [11, с. 231]. На ряду с этим, Исаев в своих спецсводках докладывал о нарастающей преступной активности, как организованное хищение хлеба и нападения на охраняемые

табуны с провиантом, не говоря уже о сознательном укрытии зерна директорами колхозов [9, с. 661-662].

Подобное положение дел привело к обратным откочевкам, что и следовало было ожидать, так как это являлось для самих казахов жизненным фактором. В условиях массового голода и нападавшие, и пострадавшие фактически становились жертвами единой политики, а рост преступности в этот период следует рассматривать преимущественно в понятиях вынужденных действий, обусловленных борьбой за выживание, на фоне продовольственного кризиса. Опубликованный в апреле 1934-го года материалы об экономическом положении в КазАССР под грифом *«совершенно секретно»* дают возможность оценить последствия вышеизложенных событий. Число хозяйств, испытывающих продовольственное затруднения, оценивалось в количестве 260 тысяч.

Так, за ноябрь 1933 г. по февраль 1934 г. из Южно-Казахстанской области вновь откочевало свыше 4.500 хозяйств. Из районов Арысского, Аулие-Атинского, Сузакского, из числа возвращаемых из Кыргызстана казахов, откочевало 1.300 хозяйств, уже в направлении Узбекистана. Для смягчения продовольственных затруднений и хозяйственного освоения возвращающихся откочевников со стороны Центра Казахстану была оказана помощь в виде денежной дотации. На 1933 год Центром было отпущена около 51 млн. рублей, однако по признанию самого начальника СПО ПП ОГПУ по Казахской АССР Штейна: *«Процесс хозяйственного освоения возвращенцев с самого начала не был поставлен в рамки тщательного разработанного плана и в значительной степени протекал неорганизованно. В ряде случаев возвращающиеся откочевники устраивались самотеком, не получали необходимой помощи со стороны местных и районных организаций»* [9, с. 760-761].

В мае 1934-го года на территории Каракалпакской АССР скопилось до 10-ти тысяч хозяйств. Динамика движения казахских беженцев в Каракалпакстане объяснялась их желанием выехать в Казахстан, т.е. Каракалпакская АССР стала основным пунктом для перехода и возвращения казахов-откочевников из Узбекистана и Туркменистана. Как пишет об этом заместитель председателя ЦК Логинов: *«это движения происходит потому, что до самого последнего времени в Узбекской и Туркменской республиках казахские хозяйства совершенно не обеспечивались продпомощью и хоз. устройством»* [11, с. 245-246]. Процесс по возвращению казахов в родные края из Каракалпакстана начался как в августе месяца, на фоне продолжающегося продовольственного затруднения. Председатель СНК КазАССР У.Д. Исаев в силу, не имеющийся возможности обеспечить возвратившихся казахов хлебом, ходатайствовал СНК СССР В.М. Молотову об отпуске 1.000 тонн хлеба, но просьба Исаева вскоре была отклонена Москвой [11, с. 249]. Само руководство Москвы в ходе возникших социальных последствий вследствие продзатруднений аргументировало это следующим образом: *«Засуха, недоброкачественный сев и уборка хлебов в прошлом году обусловили крайне низкую урожайность... В результате неурожая значительная группа хозяйств вступила в полосу продовольственных затруднений сразу же с конца хлебоуборки, другая часть хозяйств (до 70 тыс.) ... вступила в продзатруднение по мере истощения запасов»* [9, с. 756].

Перемена в политике. Изменение в жизни Республики было отчасти обусловлено переменой в политике. Смещение с должности Ф.И. Голощекина и приход к власти Л.И. Мирзояна способствовало к постепенному решению вопроса о казахских беженцах. В письме, написанном Сталину, Мирзоян подчеркивал важнейшее изменение в политике: *«Если раньше было грубейшей ошибкой казахстанской организации форсирование оседания кочевого населения, то сейчас стало абсолютно необходимой задачей форсировать оседание откочевщиков»* которые не имея никакого скота и хозяйства в процессе вынужденных миграции, по отмечанию Мирзояна, фактически находились – *«на шее государства»* [8, с. 281]. По оценкам Мирзояна, представленным Сталину, численность откочевников в южной части Казахстана составляла 90 тысяч человек [12, с. 91].

На протяжении всего 1934 г. Мирзоян распорядился перенаправить ресурсы по седентаризации на решение проблемы с казахами-откочевниками. Эта тенденция помощи

ярко выражается в воспоминаниях Мамыртая Койбакова, который писал: *«Қанша дегенмен, Голощекиннің орнына Мирзоян келгеннен кейін үйсіз-күйсіз қаңғырып жүрген адамдарға қамқорлық жасала бастаған екен»* [13, с. 242]

Переменные успехи Мирзояна, по замечаниям зарубежных исследователей голода также были обусловлены тем, что в 1934-м году были хорошие погодные условия что привело к увеличению урожая [8, с. 280]. Хотя и некоторые части Казахстана продолжали голодать, в целом размах бедствия по состоянию того же года уменьшился. Между тем, правительственная комиссия по оседанию откочевников в 1934-м году докладывала, что в Южном Казахстане, где ввиду скопления репатриантов распространялся оспа, чиновники приказали школьным учителям провести вакцинацию, благодаря чему в разных областях было сделано свыше 200 тысяч прививок, что способствовало к уменьшению смертности в этом регионе [8, 281].

Возвращение в ходе стабилизации. Государственные меры по перемещению беженцев растянулось на большую часть 30-х годов XX века, надолго пережив сам голод. Тем не менее, несмотря на определенные достижения, проблема миграции казахского населения сохранялась на протяжении всего десятилетия. Значительная часть беженцев, покинувших Казахстан в период 1930–1933 годов, так и не смогла вернуться на историческую родину. В последующие годы в отдельных районах Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана сформировались казахские диаспоры, состоявшие как из очевидцев, так и из потомков жертв политики коллективизации. В феврале 1934-го года, Южно-Казахстанский облисполком постановило СНК КазАССР о необходимости выдать кредиты на сумму 1.500 рублей – *«в целях вывоза, уже скопившихся в Ташкенте и других местах Узбекистана и Киргизии возвращенцев-откочевников»* [14, с. 722].

Вопрос репатриации оставался актуальным даже после стабилизации ситуации внутри Казахской АССР. В 1936 году председатель ЦИК Казахской АССР У. Кулумбетов в письме Мирзояну сообщал о поступающих телеграммах от казахов, откочевавших в 1930–1933 годах и выражавших желание вернуться на родину. Они просили содействия как в организации их возвращения, так и в предоставлении материальной помощи для покрытия транспортных расходов [11, с. 258]. Очевидцы голода и массовых откочетов также представляют ценное историческое наследие в контексте нарративных источников в изучении коллективизации. Абикул Аскарбековна, нашедшая убежище в долине Аксу в Кыргызстане, в своих воспоминаниях писала следующие строки: *«...Қазақстанға Мирзоян деген жаңа басшының келгенін, елдегі халықтың тұрмыс-тіршілігі жақсара бастағанын біліп отырдық. Ендігі мақсатымыз ата жұртымызға көшіп келу еді»* [13, с. 301]. Максут Райкулов вспоминая последствия голода рассказывал, что многие казахи оставшийся в Узбекистане, самостоятельно смогли вернуться в Аулие-Ату и родные края лишь в 1935-м году [13, с. 296]. Аналогичным рассказом делится и Уазика Арыкбаевна, семья которой под давлением коллективизации вынуждена была мигрировать в сторону Кыргызстана: *«1935 жылы елдегі жағдай біршама жақсарып, Өзбекстан мен Қырғызстанға босып кеткен халық қайтадан атамекеніне орала бастады»* [13, с. 126].

Однако не все казахи в силу своих возможностей смогли вернуться в Казахстан. В конце 30-х и начале 40-х гг. в Узбекистане проживало 305 тысяч казахов, тогда как до начала коллективизации, в 1926 году, их число составляло лишь 107 тысяч [15, с. 58-59]. В рамках реализации научного проекта по исследованию откочевников, З.К. Курманов, исследуя пребывание и адаптацию беженцев на территории Кыргызстана, оценил масштаб возникшей казахской диаспоры: *«...во времена голодомора»*, как пишет З.К. Курманов, *«у нас образовалась большая казахская диаспора, объединявшая около 70 тыс. кыргызских казахов»* [16, с. 187].

Заключение. Проблема массовой откочевки голодающего населения, их пребывания, адаптации и последующего возвращения остается наименее изученным аспектом трагедии голода, требующим более глубокого научного осмысления и комплексной интерпретации.

Попытки хозяйственного обустройства возвращенцев потерпели неудачу вследствие формально-бюрократического подхода к решению данного вопроса, нехватки финансовых ресурсов и равнодушие со стороны местных властей. Кроме того, на основе архивных документов, следует отметить, что меры по хозяйственному устройству откочевников начали реализовываться лишь тогда, когда кризис достиг критической точки. Тем не менее, опыт преодоления возникших проблем и процесс восстановления представляют собой значимое историческое наследие, имеющее важное значение для последующих поколений исследователей в их углубленном изучении голода и коллективизации в Казахстане.

Список использованной литературы:

1. *Кабульдинов З.Е.* Казахский голодомор и особенности пребывания казахов-откочевников в Сибири (Начало 30-х годов XX века) / «Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии)». Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. 240 с. С. 54 – 64.
2. *Сыдыков Е.Б.* О некоторых аспектах проблемы голода в Казахстане в контексте миграции казахского населения за пределы республики / «Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии)». Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. 240 с. С. 9-21.
3. *Кудайбергенова А.И., Мамытова С.Н., Кубеев Р.Д.* Из архивных данных о пребывании казахских голодобеженцев на местах откочевки (1931-1933) //Том 9 №3 (2022): Edu.e-history.kz С. 185-195.
4. *Альжанпарова Б.* Из истории откочетов в Центральном Казахстане (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Том 6 №3 (2019): Edu.e-history.kz С. 13-23.
5. *Козыбаева М.М.* Казахские откочевники на территории Западной Сибири в период голода начала 30-х гг. XX в. // №4 (2020): Edu.e-history.kz С. 304-312.
6. *Амантаева Б.Ж.* Архивные материалы об истории возвращения беженцев в 1931-1933 гг. // Молодые исследователи в современной науке: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2023. С. 75-82.
7. *Омарбеков Т.* Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930 1933 гг.): хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 203 с.
8. *Кэмерон С.* Голодная степь: голод, насилие и создания Советского Казахстана / пер. с англ. А. Терещенко; Алматы, Группа оценки рисков, 2023. – 360 с.
9. *Ашаршылық. Голод. 1928-1934. Документальная хроника. Сб. док. Т. 3. 1932-1934 / Отв. ред. Б. Әбдіғалиұлы. – Алматы, Атамұра, 2021. – 1028 с.*
10. *Совершенно секретно: Лубянка-Стаину о положении в старне (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 10. 1932-1934 гг. Ч. 2. Москва: ИРИ РАН. 2017. – 712 с.*
11. *Казахские откочевники в республиках Средней Азии и России в период массового голода начала 30-х гг. XX века: пребывания и адаптация. Сб. архивных док. и мат. Алматы: «Мадияр» ЖК, 2022. – 410 с.*
12. *Әбдірайымов С.* Қазаққалайаштыққаұшырады. Алматы, 1991 ж.
13. *Әулие-Атаөңіріндегіашаршылық (жинағанестеліктернегізінде) / Жинақтаушы-құрастырушы: Т. Байқұлов. – Алматы, 2017. – 555 б.*
14. *Ашаршылық. Голод. 1928-1934. Документальная хроника. Сб. док. Т. 4. / Отв. ред. Б. Әбдіғалиұлы. – Нур-Султан, 2021. – 776 с.*
15. *Назаров Р., Алиева В., Юнусова Д.* Казахская диаспора Узбекистана: История и современное этнокультурное развитие // Yil 2007 Cilt: 6 Sayı: 29-30. С. 56-62. 21.08.2007.
16. *Курманов З.К.* Из истории дружбы и братства: борьба с казахским «ашаршылықом» в Кыргызстане / Вестник КРСУ. 2021. Том 21. №3. С. 181-189.